

СВЕТЛАНА
НАРВАТОВА

СМЕРЧ НАВСТРЕЧУ.
ДАРОМ

Ремарки

Светлана Нарватова

Смерч навстречу. Даром

«Светлана Нарватова»

2023

Нарватова С.

Смерч навстречу. Даром / С. Нарватова — «Светлана Нарватова»,
2023 — (Ремарки)

Павел Поляков, владелец охранной компании "Паллада", привык действовать просто и наверняка. Пришел, увидел, победил. Его новая помощница стала очередной победой. Только почему-то у Паши ощущение, что эта победа неполная. И что помощница что-то скрывает. У нее целый воз тайн и недомолвок. И это была бы ерунда, если бы Паша не влюбился в нее по уши. Какое "влюбился", у него крышу снесло. Осталось всего ничего – добиться взаимности от Снежной Королевы. Плевое дело, в общем.

© Нарватова С., 2023

© Светлана Нарватова, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Павел	7
Глава 2. Дарья	11
Глава 3. Павел	14
Глава 4. Павел	18
Глава 5. Дарья	22
Глава 6. Дарья	26
Глава 7. Павел	29
Глава 8. Дарья	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Светлана Нарватова

Смерч навстречу Даром

Пролог

– ...Саид, хотел бы сказать «доброго дня», но день какой-то недобрый выходит, – начал Паша с порога. – Объясни, что за хрень происходит, и где Даша?

– Паша, дорогой, – ублюдок встал из-за стола и радушно распахнул руки, – давай поговорим как деловые люди.

Правда, при этом остался стоять на достаточном расстоянии от вошедшего.

– Мечтаю прямо.

Стула гостю не полагалось. Гостю полагалось стоять посреди полупустой комнаты, откуда убрали всё, что можно было использовать в качестве оружия. Кроме двух мордоворотов за спиной. К сожалению, это было оружие Саида.

– Понимаешь, Паша, Дарья вляпалась в очень неприятное дело.

Паша кивнул. Это он уже понял.

– Она должна... Много должна, в общем.

– О какой сумме идет речь?

– Не всё, Паша-друг, измеряется в деньгах, – Саид с сочувственной улыбкой покачал головой.

– Понимаю. Кое-что измеряется в очень больших деньгах. Так всё же?

Ведь просил же по-человечески объяснить, что у неё за проблемы. Кому она сделала лучше, дура упёртая?

– Паша, насколько тебе дорога эта девушка? – подонок сел в своё кресло и отгородился от Полякова столом.

Паша прикинул: чтобы сломать шею, в дополнительных приспособлениях он не нуждался. Но, во-первых, мордовороты за спиной. Во-вторых, вряд ли Саид держит Дарью здесь. В чём-чём, а в глупости он замечен не был.

– Саид, мы же договорились: как деловые люди. К чему эти прелюдии?

– Мне нужен доступ в твой компьютер, – убрав любые намёки на добренького дядю, припечатал тот.

– Если тебя интересует моя коллекция порно, могу дать ссылочку на облако, – включил дурачка Паша.

– Нет, если тебе на неё плевать, то я не настаиваю, – с видимым безразличием произнес Саид. Между строк читался приговор. Он посмотрел в сторону зарешёченного окна и потарабанил пальцами по подлокотнику, демонстрируя, что счетчик крутится.

Ага. Вот оно что.

– И что ты там хочешь найти? – Паша набивал цену. Нельзя было сдаваться так легко.

– Всё, что нужно, там найдут, – зыркнул из-под бровей хозяин помещения.

Поляков сделал вид, что мучается моральной дилеммой.

Саид добавил суровости во взгляд, взял со стола телефон, нажал вызов и прижал сотовый к уху. Потом произнёс:

– Я по поводу девчонки...

Паша поднял руки вверх, демонстрируя, что сдаётся:

– Будет, будет пароль, – закивал он.

– Отбой, – кинул в трубку Саид, хотя Паша даже не был уверен, что тот кому-то звонил на самом деле.

Тем временем «гостеприимный» козлина набрал другой номер:

– Готов?

Телефон стоял на громкой связи. Поляков услышал ответ: «Готов».

Саид кивнул Паше, дескать, начинай. Диктуй.

Павел продиктовал двенадцать символов. Саид в напряженном ожидании уставился на сотовый.

– Вошёл, – снова ожил динамик.

– Молодец, – похвалил работодатель свою компьютерную шестёрку и отключился. – Вот и всё, а ты боялся, – кинул он в сторону Павла.

– А где Даша?

– Паша, ну зачем тебе Даша, это дрянь? – покачивая головой и с презрительной ухмылкой заявил Саид. – У меня для тебя есть кое-что более интересное.

Вытащил из кармана пульт и направил его на панель у себя за спиной.

Экран ожил.

Качество съемки было позорным, но сомнений не было: снимали Дашу. Она сидела перед Саидом.

«–Итак, он – владелец охранной фирмы, – говорила Даша из записи. – Вы хотите, чтобы я узнала пароль от его рабочего компьютера, я правильно поняла?»

Заказчик кивнул.

– А всякие вирусы, жучки, скрытые камеры?

– У него хорошая внутренняя служба безопасности.

Даша кивнула:

– Мне нужно присмотреться к нему.

– Сколько времени это займет?

– В случае если я возьмусь, то месяца два...»

На экране стояла дата. Два с половиной месяца назад. Короткие волосы на голове встали дыбом, ладони стали мокрыми от холодного пота.

– Вот видишь, Паша. Она не только продажная подстилка, она ещё и бездарная продажная подстилка. Понаобещала с три короба, а выдала шиш. Но, надеюсь, хотя бы в постели она была хороша.

Слова Саида, казалось, пробивались сквозь вату в ушах. В голове было пусто, не считая дикой боли в висках. И на сердце.

– Где она?

– Отрабатывает у прошлого клиента. Он тоже остался недоволен.

И тут в Пашиной голове внезапно, в одно мгновение, прояснилось:

– ...Подожди, то есть всё это она устроила, чтобы сдать тебе пароль от моего компьютера?..

Глава 1. Павел

Первомайские праздники, за месяц до событий, описанных в Прологе.

Паша проснулся и ещё какое-то время просто лежал с закрытыми глазами. Сегодня вчерашние безумства казались более неадекватными, чем вчера. Тело заполняло чувство пресыщенности. Это радовало и внушало надежду на скорое избавление от пугающей зависимости. С одной стороны, драйв терять не хотелось. С другой... С другой, тянуло в привычную и понятную жизнь, где всё предсказуемо или хотя бы управляемо. В смысле, обычно Паша не заморачивался прогнозами. Но предпочитал, чтобы всё было под контролем.

...Вот вчера, казалось бы, всё было под контролем. Даша была в полной его власти. Даша – была. А крыша – нет. Она была не просто неуправляемой. Её просто не было. Свалила куда-то в самоволку, судя по тому, что ему вспоминалось.

Ну ладно.

С эротическими фантазиями, говорят, главное – реализовать. Потом отпускает.

Паша ждал этого самого «отпущения».

И вообще. Пора вставать. Ну и что, что он вчера продемонстрировал подчинённой, что на всю голову ударенный? У него и справка есть. Что он контуженный. Так что можно смело идти в туалет и лыбиться, будто ничего не было.

Поляков открыл глаза.

– Утренняя медитация на снятие эрекции?

Паша повернул голову на голос:

– Дашулечка, тебе не говорили, что ты слишком наблюдательна? Будь проще, и к тебе потянутся люди!

– Не дай бог.

С этими словами она поднялась, укутавшись в покрывало. Сейчас начнёт одеваться. Как пить дать. Хотя с нею и выпить-то проблема.

Дежавю какое-то!

– Подожди! – остановил её Паша, поднялся, потянулся и добрел до гардеробной. Окинув взглядом полки, он остановил выбор на чистой белой футболке с принтом и бросил её Дарье. – Надевай!

Это был щедрый жест.

Который не оценили.

– Спасибо, у меня своё есть, – с ледяным безразличием отреагировала Даша и потянулась за трусами.

Точно дежавю.

Оденется, они пойдут завтракать и разругаются в хлам.

Паша любил предсказуемость, но в отношении того, что ему нравилось, а не наоборот.

– Даш, только не обижайся. Но так проще и быстрее, чем одеваться-раздеваться.

– Половину вы за меня уже сделали, – с прохладной улыбкой напомнила она.

Поляков хотел пошутить по поводу того, что сделал только четверть, но внезапно до него дошло, что девчонка в такой хитровывернутой форме уведомляет, что раздеваться второй раз не планирует.

И он пошел в туалет.

Иногда лучше сс... – справлять нужду, чем говорить.

Когда вышел, Даша сидела на диване с идеальной осанкой классной дамы, прижимая локтем сумочку. Просто «Слава КПСС!». Партизанка на допросе. Пионеры не сдаются.

Потерявший ночью актуальность вопрос «Почему ты со мной спишь?» снова выбрался на поверхность.

– Давай завтракать! – он дошёл до спальни, натянул ту самую футболку, от которой отказалась гостя, и спортивного типа боксёры. – Что ты хочешь? Я даже геркулес купил. Не знаю, как это у тебя получается, но после нашей прошлой ссоры мне постоянно хочется овсянки. Но у меня много всего в холодильнике, можешь выбрать по вкусу. Если хочешь...

На этих словах Паша вернулся в зал.

Выражение лица Дарьи интерпретировать было сложно. Но это был какой-то оттенок «Да ну нафиг?!».

– Что тебя так удивляет? На самом деле я ем всё, – Паша прошёл на кухню и натянул передник. – Всё, что прыгает, ползает, летает, растёт из земли и при этом относительно безопасно для организма. Если захочешь, летом съездим в лес, и я расскажу тебе, что можно есть, когда есть нечего. Поэтому я ценю вкусную пищу. Так что тебе приготовить? Кашу? Сырники? Блины?

– Ты умеешь блины? – видимо, девчонка была настолько потрясена его кулинарными талантами, что забыла, как с утра обращалась к нему на «вы».

– У тебя есть возможность проверить это эмпирическим путём. Я так понимаю, мы остаёмся на блинах? Ты их как любишь?

– С маслом и сахаром, – оживилась Даша.

– Они же все с маслом и сахаром. – Паша вынул из шкафа кастрюльку, влил молока и теперь вбивал яйца.

– Нет, – она подошла к столу и села на стул, глядя как завороченная на его руки. – Это горячий блин нужно смазать сливочным маслом, а потом посыпать сахаром. Из ложечки.

– Никогда такого не слышал.

Блины со сливочным маслом и посыпанные сверху сахаром. Его тренер схватился бы за голову и постучался ею об стену.

Дарья сразу потухла.

– Значит, я буду печь блины, а ты их смазывать и посыпать, как более продвинутая. Договорились? Что тебе нужно?

На какие только жертвы не идут мужчины ради женщин! Тем более сладкие булочки он же соизволит жрать по утрам? Соизволит. И совесть не мучает. К тому же любимые Пашей блины со сгущенкой ничуть не полезнее.

Девчонка, которой было поручено найти всё необходимое самостоятельно и не отвлекать маэстро по пустякам, перестала дичиться и с искренним интересом наблюдала за процессом приготовления. Именно сейчас, при дневном свете, почти без косметики, с глазами, горящими любопытством, стало заметно, насколько же она юная. Паша знал, что она почти на пятнадцать лет моложе. Но только теперь это осознал и внезапно на какой-то момент почувствовал себя древним, как мамонт.

Они поровну разделили первый блин, который, вопреки народной мудрости, удался. Паша залил тесто на новый.

– А вы правда... Ну про это всё, – она брезгливо сморщилась, – что ползает, прыгает?.. Или так, для красного словца?

– Даша, в жизни любого мужчины бывают моменты, которыми не хочется делиться с хорошенькими девушками. В жизни военного их на порядок больше, чем у обычного мужчины.

Девчонка изобразила на лице: «Деловая колбаса!». Паша рассмеялся.

– Даш, давай сегодня... завалимся куда-нибудь? В кино, например. Сто лет там не был.

– Я не люблю кино.

– За что?

– Просто не люблю, – Даша старательно водила по поверхности горячего блина таявшим кусочком масла на вилке, а потом лихо рассеивала сахар чайной ложечкой. – Мне жаль терять время. Столько всего сделать можно...

– А как ты отдыхаешь?

– Смена деятельности – вот лучший отдых! – отпартовала она.

– С работы на работу, – хмыкнул Паша.

– Ну почему? Я иногда читаю.

– О, на остальных-то работах ты только пишешь! Прости, – он испугался, что обидит Дарью сарказмом, но она, казалось, просто не заметила его фразы. Или не заметила в ней ничего обидного.

– Я иногда и художественное читаю.

– О! Ремарка?

Из классиков Поляков ещё знал русских писателей, которых проходил в школе. Но предположить, что человек в здравом уме и твердой памяти, сам, добровольно может это читать... Ну это совсем нужно быть глюкнутым.

– Нет, конечно, – улыбнулась Даша. – Что-нибудь лёгенькое, глупенькое и бессмысленное. Типа, про любовь.

Паше вспомнилось: «Заходят как-то в бар разочарованный в жизни циник, нигилист и мизантроп. А бармен им: «Пиво до восемнадцати лет не наливаем»».

– Не веришь в любовь? – уточнил он.

– А смысл? – пожала она плечами и начала смазывать маслом свежий блин. – Вот вы, Павел Константинович, верите в любовь?

– Так я же не юная барышня, – хмыкнул Паша.

– Нет, конечно, вы не верите в любовь более глубоко и обоснованно, – с серьёзной миной поправила она. – Не подумайте, что я оспариваю пальму первенства.

Помесь лисы с ехидной.

На дне кастрюльки размазались остатки теста. Пашу бесил этот момент в приготовлении блинов. Ставить кастрюлю в мойку, когда там остался целый блин, Паша считал кощунством. Но и выбрать его в поварёшку было тем ещё испытанием. Словно прочитав мысли, Даша поднялась:

– Давайте, я вам помогу.

Последний блин жарился на плите. На столе появилась коробочка с зелёным чаем, который, как помнил Паша, Дарья пила чаще всего. К кружкам добавилась небольшая вазочка и банка клубничного варенья.

– Это мама на старости лет занялась земледелием, – пояснил он.

– Повезло. – Даша зачерпнула ложкой ягодину прямо из вазочки. – Ой, так нельзя, да? – смутилась она и проглотила, почти не жуя.

– Можно, можно! Вся эта вазочка в твоём полном распоряжении.

– Правда? – спросила девчонка, будто он был Дедом Морозом.

Вместо ответа Поляков придвинул варенье к Даше. Включил фоном радио, и они поели.

– Так, может, всё же проведём день вместе? – Поляков высказал предложение прямым текстом.

– У меня действительно очень много работы, – Паше показалось, что с сожалением ответила Дарья.

– Даш, ну хочешь, я тебе зарплату подниму? – неожиданно желание провести день вот так, просто и легко, перевесило врождённую Пашину прижимистость.

– Павел Константинович, если вы хотите так расплачиваться со мною за секс, то я – не девушка по вызову.

К ней в один момент вернулась холодность и отстранённость.

– Да?.. – он неожиданно растерялся, не зная, что сказать дальше. И только потом понял, как прозвучало это «Да?».

– Вообще-то любая более эмоциональная девушка на этом месте врезала бы вам по фейсу лица. А я рассудительная. Я осознаю, что мы с вами в разных весовых категориях.

– Тогда что тебе от меня нужно?!

– Я думала, это вам от меня что-то нужно.

– погоди, погоди... – поднял руки Паша. – Но ведь так в отношениях не бывает, чтобы одному человеку от другого ничего не было нужно?

– А у нас с вами отношения?

– Нет.

– Ну и вот.

Глава 2. Дарья

Даша ехала домой на предоплаченном Поляковым такси в смятении чувств. С одной стороны, всё было хорошо и шло в соответствии с планом. С другой – именно это и было плохо.

За хорошим в жизни обязательно следует плохое. Если везёт, то потом обязательно будет грандиозный провал. Прямо пропорционально везению. Это Дарья усвоила чётко. За всё нужно платить, это закон жизни. О том, что было ночью, она старалась не думать. Ночное должно оставаться ночи. Даше было неприятно вспоминать, что она вытворяла. Особенно теперь, когда её личный монстр был сыт. Но утро было очень... милым. И Поляков умело казался добрым. И даже интересовался её желаниями.

Самым ужасным во всей этой ситуации было то, что она никогда ни с кем не была настолько откровенна. Никогда. В этом было что-то от мазохизма: обнажаться, сдирая кожу, будучи уверенной, что собеседник не придаст словам никакого значения. Но Даша чувствовала, что Павел Константинович ей не врал. Наверное, в другой ситуации она бы сама посмеялась над тем, насколько он был... доверчив. И над его кинками она бы посмеялась.

В другой ситуации.

Может быть, когда-нибудь потом посмеётся. Когда наконец его грязный монстр вырвется наружу из-под ванильно-шоколадных фантазий. Но пока ей было даже жаль Полякова. Как подросток, ну правда. Такой... трогательный.

И трогал Павел Константинович её тоже очень трогательно. И проникновенно. Всюду.

И завтрак готовил.

Раньше блины ей пекла только мама. И только тогда, когда Даша хорошо себя вела и заслужила. Или просто когда у мамы было хорошее настроение, но это случалось редко.

В общем, всё это было слишком хорошо, и Несветаева даже думать боялась, чем ей придется за это расплачиваться.

Поэтому Даша предпочитала думать о другом.

О заказах на контрольные и курсовые. О том, что нужно найти время готовиться к экзаменам. Хотя заочка – не очка, это вам мне не ЕГЭ сдавать. Но всё равно нужно подготовиться очень хорошо. Чтобы гарантировано на бюджет. Она хотела поступить на психолога.

Мама много раз говорила, что лучше учиться на бухгалтера. Чтобы всегда при деньгах.

Дарья понимала, что психологи – это не про деньги. Особенно, если идти куда-нибудь в школу или другие госучреждения. Правда, психологи, которые занимались частной практикой, зарабатывали хорошо. Когда-то давно юная наивная Даша надеялась с помощью психолога вытащить маму из ипохондрии и выясняла расценки на консультации. Но мама просто взбесилась, когда узнала. Каких только слов о себе не услышала Дарья помимо традиционных «неблагодарная» и «избавиться от меня хочешь»!

Основной акцент делался на том, что Дарья жаждет сдать беспомощную мать в дурдом и забрать себе квартиру. Робкие возражения, что психологи в дурдом не сдают, только психиатры и то исключительно с согласия пациента, привели к очередной вспышке. Поскольку раз дочь узнавала, то это уже практически чистосердечное с подписью.

В общем, больше таких глупостей Даша не делала, но четырёхзначная такса в память запала. В рублях, конечно, не в долларах. Но в час. Всё равно очень неплохо.

Конечно, надежнее пойти логопедом. Эти точно никогда без куска хлеба с маслом не останутся. К сожалению, детей Несветаева не любила. К взрослым тоже не питала большой симпатии. Но с детьми совсем никак. Интриги, заговоры, злодейства – вот рабочий инструмент Даши. Где вы тут видите детей?

Дома Дарья озадачилась планом подготовки к поступлению. Теперь на психологию нужно было сдавать биологию. Непонятно, кто увидел в этом логику, но всё равно ничего не изме-

нишь. Нужно брать по ней простенькие контрольные. Например, для учащихся колледжей. Чтобы не даром готовиться, а за деньги. В смысле, чтобы зарабатывать деньги на своей подготовке в вуз.

Мысль была хорошей, приятной, конструктивной, и Несветаева отправилась с нею в душ. Душ с приятными мыслями она любила. Встала под струи и упёрлась лбом в предплечье, прижатое к стене. Теплая вода убаюкивала. Дремать стоя было неудобно. Даша опустилась на дно ванны. Но там тоже оказалось неудобно. Поэтому Дарья выбралась и отправилась в кровать. Поставила таймер на час и уснула.

Разбудил её не таймер, а настойчивые звонки в дверь. А таймер не разбудил. Прозвенел, но не разбудил. Часы показывали, что поспала она не час, а целых пять. Стахановка. Ударница постельного труда. Заслуженный передовик подушки и одеяла.

За дверью обнаружился возмутительно бодрый Поляков, взъерошенный, как дворовый воробей.

– Ты почему так долго? – набросился он, будто не воробей, а коршун.

– Спала.

– А. А я мясо привёз. Хочешь?

Даша пожала печами:

– Я ещё не настолько проснулась, чтобы дать осмысленный ответ на такой сложный вопрос.

И пошла в комнату за кофтой. После сна было особенно заметно, что отопление перед праздниками отключили.

В прихожей шуршал одеждой Поляков. Он не спрашивал, хочет ли Дарья его видеть. У человека всё хорошо с самооценкой и чувством самосохранения. Павел Константинович стратегично касался исключительно гастрономических вопросов.

Даша неожиданно осознала: хочет. Не Полякова. А мяса. С чем-нибудь. Желательно, тортиком. Не параллельно, конечно, а последовательно.

– Я и картошки прихватил, – словно услышав ее мысли, подал голос гость. – Ты как больше любишь: отварную, пюре или жареную? Мне кажется, к жареному мясу лучше отварная или пюрешка пойдёт. Что думаешь?

Желудок (или кишечник?) что-то пробурчал в поддержку любого варианта.

– А что быстрее?

– Ну не знаю. Наверное, пюре. Если воду сразу кипятить поставить.

Газовая плита, суeta и сто килограммов адреналина в живом весе быстро согрели крохотную кухню. Даша не могла находиться на кухне с мамой, хотя та была гораздо мельче. А с Поляковым они прекрасно уместались.

Что бы ни думала Дарья о его интеллектуальных способностях и уровне инфантилизма, руководителем он был отменным. Всё варилось, жарилось, чистилось и резалось синхронно и своевременно. Он словно был дирижёром маленького оркестра из четырех рук, кастрюли и сковородки. В исполнении произведения – прелюдии, а может, ноктюна, – также были задействованы холодильник, который порывивал в лад, и чайник, который посвистывал, но его заткнули.

Всё это время солисты успешно расходились на микроскопической площади. Лишь в самом конце, когда мясо бесстыдно истекало соком на блюде, а картошка окончательно размякла и была готова пасть под пресс толкушки, они всё же врезались друг в друга. Даша неудачно заглянула в холодильник в надежде найти масло, а Павел Константинович попытался боком пройти к раковине, чтобы слить воду.

– Ой! – выпрямилась Дарья.

Поляков повернулся, улыбнулся, вытянул руки в сторону и быстро чмокнул её в нос.

– Я соскучился, – неожиданно признался он и, не дожидаясь реакции, вернулся к приготовлению пюре.

Так нечестно. Это её работа – смущать и соблазнять. А он кто? Конь в пальто. Козёл на Белом Мерине!

К сожалению, сегодня привычная мантра не действовала.

Даша смутилась.

Но так, тихонечко, пока никто не видел. И быстро вернула на лицо невозмутимость.

Потом они ели.

Ужин был вку-усный! Понятно, что на голодный желудок даже вареные яйца сойдут за амброзию. Но правда было вкусно. А Павел Константинович рассказывал, как они жарили мясо с друзьями и сломали мангал. Даша слушала в пол-уха, но всё ж спросила, как это вообще возможно. На что Поляков ответил, что нет ничего возможного для спецназовца. Особенно, когда их трое.

Даша покивала.

Если гостя клонировать до трех экземпляров, то, пожалуй, мангалы и правда будут ломаться. Сами собой. Чисто в целях профилактики. Лучше добровольно, чем принудительно. Силы-то вон сколько! И энергии с энтузиазмом. Еще и фантазия не подкачала. Не-не!

Поляков продолжал болтать про своих друзей, Дока и Штыка. Но мозг, переполненный глюкозой, норовил отключиться и впасть в нирвану.

– А ещё... – говорил Поляков, и в этот момент зазвонил Дашин телефон.

Мама. Даше даже рингтон не нужен был, чтобы опознать абонента.

Только она могла так безошибочно выбрать момент, чтобы всё испортить.

Глава 3. Павел

С Дашей всё выходило не так, как со всеми. Поляков не делал поспешных выводов, вроде «она не такая, как все». Все девушки не такие, как все, в первый месяц знакомства. Однако ей успешно удавалось ломать привычные шаблоны, и пока Паша не мог сказать, бага это или фича.

Так или иначе, утро (если считать по функциям, а не по времени пробуждения) в её компании прошло замечательно. Очень уютно. По-домашнему. Хотя она не прилагала к этому никаких усилий: не готовила завтрак в постель, не надевала его футболку и не одаривала утренним минетом. Когда Даша уехала домой, он подумал, что и хорошо. Паша испытывал смутное раздражение, когда инородные тела вмешивались в его устоявшийся быт. Может, не настолько сильное, чтобы обращать на это внимание, но теперь, когда Даша проговорила свою позицию, понял: да, раздражало. А проявлять гостеприимство и заботиться о девчонке было приятно. Не такой он эгоист, каким Дарья его рисовала. Пусть оценит и раскается.

А ещё Пашу странно заводило понимание, что он мог дожать девчонку и развести на секс и вообще на всё, что угодно. И она бы покорно поддалась и втянулась в конце концов. Но гораздо интереснее было бы сделать так, чтобы она сама. Сама проявила инициативу. Как вчера.

Мысли о вчерашнем вечере и неожиданной капитуляции Даши зазвенели в голове колокольчиками предвкушения. Что бы она сделала? Поляков осознал, что даже близко не представляет. Он завалился на диван и погрузился в фантазии.

«Павел Константинович, я много думала... – она прикусывает губу и садится верхом на его колени. – И поняла, что хочу вас. Прямо сейчас!»

Фигня какая-то.

«Паша, я думала о тебе... – она невзначай касается пальцами своей груди, выдавая, в каком смысле думала, и прикусывает чёртову губу. – Я думала о тебе всю ночь и никак не могла уснуть... – обнимает за шею и целует.

– Подожди. Я хочу увидеть, как именно ты обо мне «думала». Ты всё с себя сняла?

Она смущается.

– Покажи. Я хочу видеть».

Чёрт, вот его понесло! Поляков поймал себя на том, что сердце стучало, как ударник в хард-роке, а дыхание стало тяжелым. Приятно потяжелело ниже пояса.

Но идея не отпускала.

Разумеется, он смотрел порнуху на эту тему. А кто не смотрел? Но с Дашей – это же совсем другое дело. Во-первых, она живая. А во-вторых, она будет делать это для него, а не на камеру. И не за деньги, а просто для него.

У Паши появилась новая цель. Мир обрел ясность и четкость.

Пришел, увидел, поимел. Отличный план!

Кошей занялся воплощением. Проверил мясо, которое мариновалось со вчерашнего вечера. Добавил лучка колечками и пряных трав. Сглотнул слюну. Волевым решением закрыл контейнер.

Жаль, что Дарья не пьёт спиртного. С винишком было бы проще. Но, с другой стороны, это читерство. С винишком любой дурак сможет.

Праздничный день накладывал ограничения на материальные возможности Паши. Но это его не останавливало. Ни вообще, ни от возможности ещё немного поваляться на диване и пофантазировать. Те магазины, которые работают, до вечера не закроются, а те, которые не работают, всё равно не работают. Потом Кошей пошел фантазировать в душ – если жаждешь побед на эротической ниве, тело должно содержаться в чистоте и красоте.

Мысль о красоте тела навела на другую мысль: а что у него тренировочная простаивает? Он сходил, посмотрел на тренажёры, подтянулся несколько раз и вернулся в душ. Удовлетворившись осмотром себя в зеркале во весь рост (тоже хорошая тема для будущих свершений с Дарьей), Поляков пошёл собираться.

Заехал в крупный гипермаркет на окраине. Прошёлся по отделу одежды, взял несколько упаковок чулок взамен порванных. Подумал о походе в секшоп. Это какие горизонты открываются!

Где-то возле костей черепа, на самой окраине мозга, шевелилась мысль о том, что ни с одной из своих пассий-кисок Паша в секшоп не ходил. Конечно, он взрослый мужчина и бывал там время от времени. И даже прикупал разные приятные нужности. Или ненужности, но всё равно приятные. Но идти туда с кем-то у него потребности не было. А с Дашей – была. Он прямо представлял, как она будет там смущаться, а он шептать ей на ушко всякие непристойные предложения с использованием всякого непристойного...

Чем же она такая не такая?

...Отринув неподходящие месту и времени мысли, Поляков быстро пробежался по продуктовым рядам, дополняя меню ужина. Увлечённый фантазиями, он совершенно забыл о более приземлённых потребностях, и теперь голод – самый обычный, животный от слова «живот», – напомнил о себе. Соблазн прикупить фастфуда был подавлен в зародыше. Только лучшее. Только хардкор.

Паша поднимался к знакомой двери в приподнятом и слегка романтическом настроении. И когда на звонок в дверь никто не ответил, он разозлился. Значит, наврала ему с три короба, что работать будет, а сама свалила непонятно куда. Он уже полез за сотовым, чтобы поймать обманщицу с поличным, но тут за дверью послышались шаги.

И в голове зашевелились совершенно другие мысли.

А если она не одна?

– Ты почему так долго? – рыкнул он.

– Спала.

Вид у девчонки действительно был заспанный, на щеке отпечатался шов наволочки. Или чего-то ещё. И вся она была такой беззащитно-уютной, что злость рассеялась, будто не было.

– А. А я мясо привёз. Хочешь? – Паша вошёл в прихожую и закрыл за собой дверь.

Он был не настолько животным, чтобы набрасываться на девушку с порога. Хотя позывы были. Но интуиция и опыт общения с Дарьей подсказывали, что так просто не получится. Красну девицу нужно сначала за стол усадить, в баньке намыть, а потом уже... вжарить.

Микроскопическая и совершенно не приспособленная для приготовления пищи (по сравнению с Кошечевыми хоромами) кухня едва вмещала двух человек. Но готовить было комфортно и весело. Послушная, домашняя и умелая Даша была настолько уместна, что непонятно, как Поляков вообще без неё раньше обходился.

При крайне ограниченной площади, где они занимались готовкой, девчонка умудрялась двигаться так, что ни разу Полякова не коснулась. И если сначала Паша не обращал на это внимание, то постепенно жажда прикосновений приобрела какой-то мазохистский оттенок. Он хотел, но не позволял себе сделать это первым.

Хотел, чтобы Даша.

И когда наконец они случайно столкнулись, только кастрюля с кипятком в руках удержала Пашу от того, чтобы затискать растерянную и испуганную хозяйку.

– Я соскучился, – признался Паша и понял: да, действительно соскучился.

Хотелось, чтобы Даша ответила встречным признанием, но увы. Она вообще скрытная и стеснительная, объяснил себе Кошей. Не нужно на неё давить.

Потом они сели есть. Поляков был балабол с большой буквы «Б». Он умел болтать на любые темы, о которых хоть что-либо слышал. Но почему-то стал рассказывать о своих дру-

зях. И между делом подумалось, что он мог бы привести Дашу на «сходку» Ремарков, и за неё не было бы стыдно ни перед принципиальным Штыком, ни перед интеллектуалом Доком.

Она смеялась над байками и выглядела юной и счастливой, как утром, когда мазала блины маслом. И от этого становилось тепло на душе.

Но тут позвонил телефон, и радость стекла с Дашиного лица, как незамерзайка под дворниками. Дарья в одно мгновение стала старше лет на десять, холодней на пятьдесят градусов и покрылась незримыми иглами, как смесь ежа, ехидны и дикобраза.

– Мне нужно ответить, – уведомила она.

Паша кивнул.

Мысль о том, что в жизни Даши мог быть кто-то важнее его, болезненно царапнула в районе сердца. Конечно, пусть ответит. Но он должен знать, кому. Девчонка ушла в комнату. Паша подождал минуту-полторы для приличия, вынул из пакета пирожные с кремом и, нацепив на лицо придурковато-радостное выражение, пошёл с ними в комнату и остановился на пороге – как бы в растерянности.

– ...Мама, конечно, я очень хочу приехать. Просто пока не могу. А на поездку уйдут деньги, – Даша стояла спиной, вжав голову в плечи и двумя руками сжимая телефон.

Она молча слушала собеседницу. Если это действительно была её мама.

– Нет, я не за тридевять земель, – тоном усталой учительницы начальных классов говорила она. – Но ты же хотела новые окна? А я не так много зарабатываю.

Она снова замолчала.

– Мама, давай прекратим этот разговор. И тему Николая Владимировича мы тоже оставим. Нет, я не хочу к нему вернуться. Ну сколько можно?! Я не кричу. Да, он замечательный начальник, но я хочу расти. Я не хочу всегда быть секретаршей, мама.

Паша пытался обрабатывать поток информации, который нёсся на него со скоростью селя с горы. Человек, от которого сбежала Дарья, тот самый, который не знает слова «нет», обретал реальные черты. Черты Николая Владимировича, бывшего «замечательного» начальника Дарьи Несветаевой. От одной мысли, что кто-то другой мог вот так же...

Дальше Кощей даже додумывать не стал, чтобы его к потолку не подбросило от эмоций.

Нет, конечно. Ничего «так же» не было. Он просто не давал Даше учиться. А Полякова это её желание совсем не напрягает. Он даже отпустил её домой, готовиться к поступлению.

– Да. Да, я стараюсь, – жаль, что Паша не мог узнать, в чём именно она проявляет такое усердие. – Нет, мама, у меня здесь никого нет. Никаких мужчин. Честное слово, – соврала Дарья, и голос её не дрогнул.

Будто не занимались они ночь напролёт жарким, грязным сексом и только что не готовили вместе ужин.

Способность Дарьи врать с такой легкостью и непосредственностью оказалась не потрясением, но весьма неприятным открытием.

– Да. Обязательно. Конечно, мама. С праздником. Да, скучаю. До встречи, – закончила разговор Дарья, и её плечи обвисли.

Она медленно обернулась и обнаружила Полякова. На её безразличном лице не мелькнуло ни тени эмоций. Стыда, например.

– Значит, никаких мужчин у тебя здесь нет, – стараясь сдерживать голос, поинтересовался Кощей.

– Мама спрашивала о том, не завела ли я здесь мужчину. И если ты думаешь, что она интересовалась, занимаюсь ли я с кем-нибудь сексом, то ошибаешься.

Это «ты» срезонировало у Паши где-то в груди, но он не мог толком сказать, с каким знаком.

– Маму волнуют серьёзные отношения. Такие, за которыми следует брак с неминуемой в дальнейшем физической, психической, нравственной и финансовой катастрофой. Вы уверены,

что готовы взвалить, — а вот «вы» вызвало горечь, — всё это на свои плечи, чтобы соответствовать в глазах моей мамы понятию «заведённый мужчина»?

Поляков не знал.

То есть заведённым мужчиной он себя чувствовал, причём во всех смыслах, но ничему соответствовать не собирался. И как к услышанному относиться, тоже не знал.

— Давай пирожные есть? — предложил Паша.

Шестым чувством он понимал, что задавать вопросы о «Николае Владимировиче» сейчас не место и не время. Но чудовище под названием «ревность» уже расправляло в его душе свои крылья и выпускало когти. И это Кошечка категорически не радовало.

Глава 4. Павел

– Пирожные?.. – переспросила Даша, будто не понимала, о чём речь. – А. Пирожные. Пирожные давай. – Те.

Она направилась в кухню, на ходу, с каждым шагом, расправляя плечи и стирая выражение обречённости с лица. К тому моменту, когда она села за стол, ей даже удалось натянуть на лицо улыбку. Но Паша задницей чувствовал, что это всего лишь дань вежливости и умение держать хорошую мину при плохой игре. Сам Кошей на такой случай предпочитал противоположную. Даша, судя по тому, что питается овсянкой, пишет ночами рефераты, но матери обещает новые окна, оружия, сильнее острого взгляда, не знает.

– Возьми в сумке, я пока со стола уберу, – попросил Поляков.

Томность и лёгкость вечера растаяли, как лёд в бокале виски. Паша бы от него сейчас не отказался. Настроение у Дарьи было не из тех, когда демонстрируют любовь к себе – в приземлённом смысле этого слова. В конце концов, он не ждал быстрой победы. Но и уезжать несолоно хлебавши тоже был не намерен. Не потому что его жаба давила за впустую потраченную еду. А потому что не хотел.

Он хотел Дашу. Грубо, неприятно, по-мужски. Хотел спать с нею в обнимку. Может, он не умел так спать. В конце концов Поляков всё равно сворачивался и закрывался, но засыпать он хотел с Дашей. Ощущения можно было описать одним словом: «Моё!». В это слово не помещался как-то непонятный «Николай Владимирович». И даже для Дашиной мамы места в нём не было, хотя Кошей был готов иногда ненадолго подвинуться.

Как нормальный взрослый мужчина он понимал, что у Дарьи на его хотелки сейчас настроения нет. Но, как говорили древние, «если у женщины нет настроения, создай его». Паша был опытным настройщиком. Пирожные, баллончик вбитых сливок и чулки хорошо подходили для этой программы.

Даша выставила на стол прозрачную коробку-тортницу с набором пирожных и села за стол. Молча.

Паша в очередной раз поразился её реакциям на очевидные вещи. Ну правда, он же чулки, наверное, прикупил какой-то левой бабе? Или себе. Поэтому вопросы о них задавать нельзя ни в коем случае. Вдруг в Кошее Синяя Борода проснётся?

– Даша, чулки я тоже тебе взял, – уведомил Поляков. – Взамен тех, которые порвал прошлый раз.

– Спасибо. Но вы мне только одни чулки порвали, – невозмутимо напомнила Даша.

– У меня большие планы. А почему ты их не достала?

– Вы сказали взять пирожные.

– А ты делаешь только то, что тебе велят? – фыркнул Паша и потянулся с ножом к верёвке, которая крест-накрест перетягивала коробку.

– Зачем резать, я развяжу, – остановила его девчонка и потянула тонкие пальчики.

– Это же долго!

– Мы куда-то спешим?

Это «мы» внезапно утихомирило Пашины язвительность. Правда, не до конца:

– Тебе верёвок не хватает?

– Мало ли, – пожала плечами Дарья, действительно споро справляясь уже со вторым узлом на верхушке коробке, осталось столько же. – Если честно, мне просто нравится. Успокаивает. Но и верёвка тоже... Вдруг пригодится? У меня действительно их нет.

Наверное, говоря о востребованности верёвки, она думала о том, чтобы, например, стопку книг перевязать. А не то, о чём подумал Паша. А он подумал.

Наконец все узлы веревки оказались распутаны.

Дарья сняла прозрачную крышку с таким торжественным видом, будто под фанфары. И с таким предвкушением, что у Паши ёкнуло под грудиной от внезапной мысли, что он каждое утро жрёт перед ней дорогую сладкую булочку и даже не поперхнулся ни разу. Совершенно точно: щепетильная Дарья ничего не покупает себе за его счёт. Кроме того, что он велит.

– А какое можно взять? – девчонка с трудом оторвала взгляд от сладкого разнообразия. Каждое пирожное было в единственном экземпляре.

– Любое.

– Совсем-совсем? Можно каждое на два поделить, – щедро предложила Даша, вновь бросив взгляд на пирожные и на гостя.

– Совсем-совсем любое! – уверил Кощей. – И столько, сколько хочешь.

Он хотел добавить, что в любой момент может купить себе такое же, но вовремя поймал слова на языке. Она опять всё вывернет наизнанку и обидится.

Даша придвинула к себе всю коробку:

– Что, даже и не попробуете? – спросила она потрясённо.

Паша опешил. Не то чтобы ему было жалко, просто знал бы, два набора купил. Но тут Даша рассмеялась и сдвинула пирожные на центр стола:

– Не пугайтесь, я пошутила. В меня столько не влезет.

– Это если за один раз, – возразил Поляков.

– Об этом я не подумала, – согласилась Дарья и изобразила мыслительную деятельность.

Паша разлил по кружкам кипяток, плюхнул туда по пакету зеленого чая (нужно в следующий раз чёрный купить) и сел.

– Леди фёст, – сказал он на чистом русском языке.

Девчонка быстро выхватила шарообразное коричневое с кремовым листочком сверху.

– Любишь картошку-пирожное? – Паша взял из коробки безе.

– Это, знаете, привет из детства. Тогда всё казалось вкуснее, – рассуждала Дарья тоном старушки, убелённой сединами. – От того, что любил в детстве, ожидаешь большего.

Поляков дожевывал кусок тающего во рту пирожного с нежной сердцевинкой и был вынужден признать, что, да, в её словах была доля правды. Безе любила мама и часто покупала в кондитерской неподалеку. Это было в далёком Давно. Паша из него помнил мало, но это были яркие и солнечные воспоминания, где папа и мама были счастливы. Они хранились где-то глубоко и сейчас всплыли, полные красок, света и звуков. А ведь до этого Поляков даже не задумывался, почему именно он предпочитал безе среди других пирожных. Это конкретное было действительно вкусом из детства.

– И как? – Паша мотнул подбородком в сторону картошки.

Дарья пожала плечами:

– Ничего особенного. Мама делала сладкую колбасу из Альпен Гольда, молока, масла, сахара и дешёвых печенек. Никогда больше ничего подобного не пробовала.

– Давай сделаем.

Даша посмотрела на него так, будто ей предложили на выбор две волшебных палочки: одну красную, другую синюю. Обе рабочие, но без инструкции по применению.

– Ну а что такого сложного? Не прямо сейчас, но все ингредиенты не далее как сегодня я видел в магазине.

– Так всё равно не получится, – тоном ослика Иа заметила Дарья.

– Не попробуешь – не узнаешь. Заедем завтра с работы в магазин и всё купим. Хочешь?

– Не знаю.

Почему-то Паше показалось, что в этом ответе было больше искренности, чем во всём, сказанном девчонкой сегодняшним вечером. Глупости, конечно. Учитывая её лицедейские таланты, эти слова с равной вероятностью могли оказаться как правдой, так и лютой ложью. Как и в любые другие, произнесённые сегодня или раньше.

Но почему-то Пашу это не пугало и не отталкивало. Заводило – да. Будило азарт. Требовало экспериментальной проверки. Археологических раскопок в поисках истины. Главное – вместе с Дарьей.

В напряжённом молчании, которое маскировалось под непринуждённое поедание десерта, Даша потянулась за следующим пирожным – корзиночкой с кремом. Корзиночка с кремом – это вызов для едока. Особенно, если к ней не прилагается ложечка. А Дарья Владиславовна не из тех, кого останавливают сложности.

В общем, очень скоро взбитые сливки – или чем там пользовались кондитеры? – украсили Дашин нос, уголки рта и даже подбородок. Поляков крепился, но в конце концов и не удержался и заржал.

– Испачкалась, да? – переполошилась девчонка, пытаясь стереть, но только размазывая крем по лицу.

– Подожди, – Паша выбрался со своего места и присел перед ней на корточки.

Его голова казалась напротив испачканного лица, и тут до Паши дошло, что стирать крем ему нечем. Из того, что принято использовать, типа салфетки, платочка, прочих признаков цивилизации. Поэтому он бесхитростно слизнул крем с носа застывшей каменным изваянием Дарьи. А потом сцеловал с подбородка, уголков губ и, чтобы уж дважды не вставать – и не садиться, – поцеловал сами губы. Сладкий рот, хранивший ванильный аромат взбитых сливок. Паша прихватил зубами эту чёртову нижнюю губу, пытаясь понять, что заставляет её снова и снова мучать его воображение. Потом ещё раз, потому что одного было мало.

Стоять на корточках было неудобно, и Кошей опустился на одно колено, как средневековый рыцарь. И на то колено, которое не опустилось, перетянул безропотную девчонку, податливую, как глина в руках скульптора. Или гитара в руках музыканта. Хотя твердолобый и приземлённый Пашка был далёк от искусства от слова совсем.

– Паша, – тихий голос вывел его из состояния транса. Но так, ненадолго. Чтобы погрузить ещё глубже. – Паша! – в интонациях слышалась просьба, и Кошей усилием воли выдернул себя из нирваны.

– Да?

– Мне нужно сегодня поработать. Я как дура проспала почти всё время, как от тебя приехала. А у меня уже сроки по паре работ поджимают.

«Сроки поджимают» – эти слова Кошей понимал. Хотя конкретно сейчас понимать не хотел.

– Если мы продолжим, я уже ничего сегодня не сделаю.

Да и хрен с ним!

Тут Паше пришлось сделать над собой ещё одно, просто невероятно героическое усилие. Такое, что он прямо загордился весь от собственной щедрости.

– Хорошо, – сказал он, стараясь не показывать, насколько у него сбито дыхание. – Давай ты поработаешь, а потом мы продолжим.

– Это не пять минут. И даже, наверное, не час.

– Я подожду.

– Мне будет сложно сосредоточиться в твоём присутствии.

Это было почти признанием в любви. Разве Кошей мог отступить после этого?

– Я поеду домой. А как только ты закончишь, позвони мне, и я вызову такси.

– Это может быть поздно, – упрямылась Дарья.

Испугали ежа голым задом. Голым задом нашего ежа не испугать. Только возбудить.

– Значит, возьмёшь с собой одежду на завтра. И что там тебе ещё нужно будет на работу.

– Ты правда будешь ждать?

Поляков чувствовал себя чемпионом международного класса по разрыву шаблонов.

– Очень, – заверил он.

– Ладно.

Глава 5. Дарья

Вот что умеет Павел Константинович, так это удивить. В противостоянии «спонтанность Полякова» vs «продуманность Несветаевой» Дашина сторона терпела эпическое фиаско.

Ведь он наверняка ничего такого не планировал. Просто захотел и приехал. И разбил весь тщательно выстроенный сценарий.

И Дашин мир.

Кто был охотник, кто добыча? Даша всё больше путалась: нападает она или убегает? Соблазняет или держит оборону? Где верх, где низ? Искренность и незамутненность эмоций Кощея выворачивали её наизнанку. Разумеется, он не играл. Он говорил и делал, что чувствовал. Другой вопрос, что эти чувства – как бабочка-однодневка. Сегодня есть, завтра от них остались одни воспоминания. А Дарья вляпывается в них всё глубже, открывается, как новичок на татами.

На татами Несветаева действительно была новичком и сейчас очень остро ощущала, что соревнуется с признанным мастером на чужом поле.

Ведь буквально утром она размышляла о детской непосредственности Павла Константиновича. В плохом смысле этого слова. А теперь у неё от этой непосредственности ориентация сбилась. Не в смысле «сексуальная», а в смысле во времени и пространстве. Даша разбудила ноут и загрузила недоделанный курсач по психологии, но мысли сносило в другую сторону.

Понятно, что сдался Поляков не просто так. За долготерпение он захочет компенсацию. Интересно, чего он потребует? От одной мысли об этом у Даши стало горячо между ног. Солнце двигалось к закату, в комнатах давно горели лампы, и грязный монстр выбирался наружу.

Что ни говори, а постельное мастерство не проиметь. Пропить – можно. Дарья знала примеры. А проиметь – никак. Поскольку оно, это мастерство, в процессе имения становится только глубже и крепче. И мастерством этим Павел «Секс-машина» Поляков владел в полной мере. В сочетании с его непредсказуемостью и полным отсутствием тормозов это был просто улёт.

Полный улёт Дашиного монстра.

Соски заныли в предвкушении.

Несветаева собрала волю в кулак. Какой смысл было просить отсрочку, если она собирается вязнуть в эротических фантазиях? Ей ещё высасывать из пальца эксперимент, и ничего возбуждающего в этом процессе не было. На два часа она погрузилась в таблицы, цифры и формулы, аргументы и суждения. Сухой мир логики был понятен и безопасен. Но чем ближе она была к «Выводам», тем беспокойнее становилось на душе. Где-то под солнечным сплетением распирало от неясного чувства, которое отзывалось тошнотой в глотке.

С чего бы? Даша доверяла своей интуиции, но в данном случае предчувствия были ни при чём.

Она просто волновалась.

Это было и глупо, и непрофессионально. Предстоящий визит к Полякову был лишь необходимым шагом для достижения цели. Он покупает Дашино тело, чтобы задобрить своего монстра. До самой Дарьи ему нет никакого дела. Она больше поведётся на мужские обещания. Она кукла. Безвольная кукла, с которой клиент может делать, что захочет. А в качестве расплаты отдаст ей своё доверие.

Несветаева взяла в руки телефон и зависла над белым экраном сообщения. А ждёт ли её Поляков или уже нашёл девицу на ночь? Не слишком ли самонадеянно ожидать, что Даша всё ещё занимает мысли начальника? Но послушаться и проигнорировать требование она не рискнула.

«Добрый вечер, Павел Константинович», – написала в мессенджере. – «Мы с вами не договорились по завтраку. Вам что-нибудь купить или просто взять оставшиеся пирожки-ные?».

Сообщение от шефа прилетело почти мгновенно.

«Завтра решим», – очень в своей манере ответил он. Через несколько секунд телефон снова пиликнул: – «Или я не понял: ты решила меня снова продинамить?» К сообщению был приложен злобный смайлик.

«Я подумала, что актуальность уже пропала», – попыталась оправдаться Дарья.

«Даже если «актуальность» пропала, я верю в твои способности и свои возможности», – прилетело от Кощея.

«Только ради бога давай обойдемся без всяких ваших бабских притирочек, скрабиков, масочек», – не мог утомониться он. – «Ты великолепно выглядишь без масочки».

«А лучше всего ты выглядишь вообще без ничего», – гласило следующее сообщение.

«Короче, не надо клеветать на мою «актуальность». Она уже восстала, и мы тебя ждём».

Вот так простенько, прямолинейно и без затей. В этом весь Павел Константинович. Даша пошла к шкафу с одеждой, но телефон снова блюмкнул: *«Вам оплатили такси. Приедет через 12 минут».*

Несветаева подорвалась собираться. Она даже образ на завтра не придумала, а ей всего пятнадцать минут дали на всё про всё. Даша кинула в сумку новые чулки – это маст хэв. Зубную щетку, смену белья, фен – на утро. На работу джегинсы, оверсайз джемпер до середины бедра – неизвестно, как у неё завтра будет с походкой. А поскольку отопление отключили везде, джемпер будет в тему. Заживляющий крем – на всякий случай. Минималка для экспресс-мейкапа. Вроде, главное взяла. Даша завершила образ сапожками на шпильке. Сообщение на телефоне информировало, что водитель на месте. Конечно, Кощей не разорится от пяти минут ожидания, но Дарья сама не любила непунктуальность.

Таксист пытался завести разговор на какие-то личные темы, но Несветаева не была настроена говорить. Она уткнулась в телефон в качестве намёка, но вместо того чтобы скроллить ленты в соцсетях, перечитывала диалог с шефом.

Симптоматично.

Даша попыталась опустить себя с небес на землю. Это же Поляков. Он сам говорил, что между ними нет никаких отношений. Она всего лишь свежее мясо. Необъезженная начленная вертелка. Подручный мастурбатор в полный рост.

Зачётная попытка провалилась, когда в вечернем сумраке она разглядела фигуру Кощея. Он стоял у подъезда и ждал. Когда такси остановилось, Павел Константинович перекинулся парой слов с водилой, пустобрёх задушевный, открыл Даше дверцу и помог выйти. Хорошо, что на руках были перчатки, и шеф не заметил её потные от волнения руки. Поляков чмокнул её в нос и крепко прижал к боку.

– Это все твои вещи? – он показал небольшой рюкзачок.

– Мне нужно было привезти перину и пару подушек? – голос был слегка хриловат, но, вопреки ожиданиям, слушался.

Шеф быстро наклонился и прижался к её губам.

– Идём, – шепнул он на ухо, заставляя Дарью передернуть плечами.

В лифте они ехали молча. Почему-то Несветаевой вспомнился другой лифт, и она осознала, что «актуальность» восстала не только у спутника.

Словно почувствовать её мысли, Павел Константинович навис над ней и уткнулся переносицей ей в лоб:

– У меня крышу сносит, как у пацана пубертатного, – в полголоса признался он.

Даша очень старалась держать отрешённое выражение лица. Это было несложно. Она всё равно не знала, как реагировать на подобные признания.

– Ничего не скажешь? – Шеф потерял щекой, как кот, и прикусил мочку уха.

Даша сглотнула.

– Скажи, что скучала, – нежно коснулся губами виска, век закрытых глаз, уголка губ. – Скажи.

Лифт остановился, открывая двери и снимая с Даши необходимость отвечать. Поляков сжал её ладонь и потянул к двери квартиры.

В прихожей он, хвала Создателю, уже не разговаривал. Возможно, осознал обречённость затеи. А может, решил, что с ритуальными фразами можно закончить. Даша бы на его месте действовала так. Что творилось в этот момент в голове шефа, было неизвестно. Хотя, возможно, вообще ничего. У поезда на воздушной подушке просто нет головы. Мотор есть. А головы нет.

Он расстёгивал и снимал всё, до чего дотягивался, и краем мозга Даша порадовалась, что выбрала немнущуюся одежду. Остальной мозг отказал. Дарья тянулась ртом к его губам, хваталась руками за одежду, обводила пальцами стальные мускулы. Здравый смысл к ней вернулся ненадолго, когда она осталась без ничего, а Поляков опустился перед ней на колени.

...и надел сапожки на босу ногу.

А потом развернул к зеркалу во весь рост.

Павел оставался в футболке и штанах, а на ней были только сапожки.

– Ты просто совершенна, – выдохнул он, глядя в зеркало, и поцеловал Дашу в основание шеи.

Даша рискнула взглянуть на себя. На фоне огромного Полякова за спиной она казалась тоненькой и бледной. Однако ни тощей, ни угловатой почему-то не казалась. Сапожки придали телу идеальные пропорции. Прически не наблюдалось, но пушистые волосы были взбиты ненасытными пальцами Павла. Глаза безумно горели, а припухшие губы приоткрыты.

– Я хочу трахнуть тебя прямо сейчас, прямо здесь, – шептал он на ухо, не отрывая взгляда от глаз Даши в зеркале, и от этого становилось страшно, будто он видел самую суть – её грязного похотливого монстра.

Грубые ладони тревожили заострившиеся соски. Губы целовали шею и плечи. «Актуальность» через штаны упиралась в развилку ног.

Поляков поднял безвольно висящие Дашины руки, заставляя её упереться в зеркало, и коленом развёл Дашины ноги. Одной рукой он скользнул туда, вниз, где уже было влажно и скользко. На секунду он разорвал зрительный контакт и откинул голову назад в шумном выдохе.

– Врушка, – он снова уставился Даше в глаза. – Грязная врушка, – и облизал пальцы руки, испачканные в смазке. – Грязная сладкая врушка.

Его руки оторвались от Дашиного тела, чтобы приспустить штаны, и гладкая, горячая «актуальность» ткнулась в неё сзади.

– Скажи, что ты меня хочешь, – руки вернулись к истосковавшейся груди, а член тыкался во влажный вход, но не с намерением войти, а просто чтобы подразнить. – Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не задушить тебя в объятиях, – шептал он, и Даша ощутила, как напряжены его ладони. Взгляд стал совсем чёрный, а с лица исчезли намеки на шутки или игру. – Просто скажи, что ты хочешь. Скажи.

Дарья толкнулась тазом назад, надеясь обойтись без слов, но Поляков был настроен играть по своим правилам. Он чувствительно прикусил за плечо, словно в наказание за непослушание, и повторил:

– Скажи. Пожалуйста.

Дарья наклонилась в попытке поймать губами руку, ласкающую грудь, но и этот фокус не удался.

– Даша, – со стоном выдохнул Павел, отираясь членом и пальцами между ног, – скажи. Ну скажи!

Он смотрел прямо в глаза, этот чертов Кощей, продирая взглядом насквозь, до самых лопаток.

– Ещё... – это всё, что смогла выдать из себя Даша и закрыла глаза. Так было проще. Всё было проще. Она снова ткнулась тазом назад и стала тереться о пальцы в своём темпе, ощущая, как надвигается разрядка. Дыхание стало тяжелым, она извивалась, стараясь приблизить миг наслаждения.

– ...ля! – выдавил Павел и, вцепившись мертвой хваткой в её бедра, вошёл внутрь. – О-о!..

Движения его были грубыми, безжалостными, он не занимался любовью, он наказывал. Но наказывал, подчиняясь, признавая её победу и своё поражение. На этой волне триумфа Даша и поймала свой фейерверк. Чуть позже в эйфорию отправился и Поляков, обжигая сердце предвестниками своего оргазма, и Дарья будто кончила второй раз от вспышки его эмоций. Надсадно дыша, он склонился к её плечу и упёрся лбом в зеркало.

– Капец! – выдохнул он. – Я думал, мозг на осколки разнесёт. – Он чмокнул Дашу в плечо. – Пошли в душ.

Глава 6. Дарья

В душе они просто мылись. Всё же Павел Константинович не был пубертатным пацаном, и это было замечательно, потому что мазохизмом Дарья не страдала и от натёртостей в причинном месте не пёрлась. Но помыть и погладить себя под потоком душевых струй позволила с удовольствием. Большие ладони шефа умели быть потрясающе нежными.

Потом её вытерли огромным мохнатым полотенцем – понятно, что её полотенчиков Полякову только на гульфик бы хватило. Вряд ли он держал отдельные для маломерок, типа Даши. И укутали в столь же огромный махровый халат, который стелился по полу шлейфом.

– Нужно прикупить тебе какой-нибудь домашней одежды на следующих выходных, – как бы между делом проговорил шеф, и Даша в очередной раз не знала, что отвечать. Потому что «домашняя одежда» – это для дома. Квартиру Полякова она домом не считала.

Понимание ситуации пришло чуть позже, когда Павел Константинович позвал её за стол и стал потчевать собственноручно приготовленным овощным рагу и запечённой рыбой. Только проглотив пару ложек, Даша поняла, насколько проголодалась. А Поляков наблюдал за ней с радостно-мечтательным видом, подставив ладонь под подбородок. Только тут да Несветаевой дошло: Паша завёл себе питомца! Питомца, за которым можно ухаживать, которого можно кормить, наряжать, возить на выставки... В смысле, показывать людям. Ну и потраивать в удовольствие, не опасаясь, что хозяина сочтут зоофилом.

Это осознание немного отрезвило и развеяло романтический флёр вечера. Дарья вновь взяла на себя управление ситуацией – насколько это было возможно рядом с романтически настроенным мужчиной, в два раза большим по весу. Она поддерживала разговор и расточала комплименты, но почему-то идиотски-счастливое выражение с лица Коцея стекло.

– Даш, вот честно, вроде и хорошие слова говоришь, но лучше б молчала, – почему-то обиделся он и даже встал из-за стола.

Это было неожиданно. Что она не так сделала? Еда почему-то сразу сделалась невкусной, или просто аппетит пропал. Несветаева ковырялась вилкой в тарелке, пытаясь придумать объяснение, почему не доела до конца, раз Паша – такой офигительный кулинар.

С чего она расклеилась, как кисельно-кисейная барышня? Не иначе, как бесячные на подходе. В целях профилактики беспризорности Даша вела строгий календарный учет, но наизусть не помнила. Однако по ощущениям было где-то близко. Это успокаивало. Все эмоциональные метания приобретали естественнонаучное объяснение. А всё, что естественно, то со временем пройдёт. Но ПалКонстантиныча-то с чего качает?

– А я чулки привезла, – нарушила молчание Дарья.

Хозяин квартиры чем-то занимался за Дашиной спиной, из-за чего становилось ещё неуютней.

– Молодец, – ответил Поляков, но без огонька.

– В качестве домашней одежды.

Позади раздался «звук», как от посуды по посуде, и Даша обернулась.

Он стоял у кухонного шкафчика, сжимая кружку. Кружка стояла на блюде. Видимо, их стремительная встреча и стала причиной звука. Фигуру Паши можно было описать как застывшую. К сожалению, он отвернулся в противоположную сторону, и нельзя было понять, что последует за этим «звук». То ли он набросится и тут же, на столе, оприходует, то ли подойдёт и по лицу зафигачит. Даша сжалась.

– Даша, давай по десерту и спать. – Поляков повернулся, но лицо его было совершенно спокойным, будто не он стучал посудой. Видимо, уже взял себя в руки, чем бы ни была вызвана вспышка.

С одной стороны, это радовало. То, что шеф умеет держать себя в руках, а не только делать всё, что пожелает левая пятка. С другой стороны, Дарья не могла объяснить его поступки и реакции. А то, что непонятно, неуправляемо. Хотя против самого решения она никаких возражений не имела. Спать после десерта – это замечательно. Вместо десерта – ещё лучше. Учитывая пропавший аппетит.

Нужно было ответить, но интуиция подсказывала, что обращение «Павел Константинович» сейчас будет неуместно. А обращаться по имени она не готова. Слишком эфемерна была выстроенная стена. Разумные домашние питомцы не обращаются к хозяевам по имени. Это создает иллюзию равенства. А в иллюзиях так просто затеряться, а потом и вовсе спутать их с реальностью.

– Хорошо, – покладисто ответила Несветаева. – А можно просто чая? Или воды?

– Три корочки хлеба! – торжественно произнес шеф.

– Можно без хлеба. – Поляков хрюкнул и покосился на Дашу. – А что я не так сказала? – удивилась она.

– Это была цитата.

– Да? А откуда?

– Из «Буратино».

– За филфак я контрольные не пишу, – развела руками Дарья.

– Ты что, не смотрела «Буратино»?

Она помотала головой.

– И мультик по Винни-Пуха тоже не смотрела?

Несветаева пожала плечами:

– Смотрела, наверное.

– Ясно. Дарья Владиславовна, я намерен заняться восполнением пробелов в вашем воспитании.

Даша постаралась расслабить лицо. Не показывать страха!

– В выходные будем смотреть «Буратино», «Вини-Пуха» и другие продукты советского кинематографа, – продолжил Поляков.

– Что?..

– И если будешь сопротивляться, придётся привязать тебя к дивану. А то мы же с тобой разговариваем на разных языках.

Выводы напрашивались сами собой. Первое: Кошей намерен провести выходные вместе. Второе: просмотр мультиков и фильмов – не самое ужасное, что случалось с ней в жизни. Плохо, что за это не платят деньги. Если бы платили, вообще было бы счастье. Третье: шеф на неё уже не сердится. Просто чудо, а не шеф.

Только слишком сексуальный.

Павел Константинович оказался человеком слова. Сказал – спать, значит, спать. Даша забралась в постель прямо в халате, предварительно пододвинула под него свежие трусики. Шеф уложил её головой себе на плечо и легонько перебирал волосы. Было очень уютно и сладко. Дарья хотела, чтобы он не останавливался подольше, но уснула.

Проснулась она без будильника, как обычно. Поляков снова спал, свернувшись в позу эмбриона, прикрыв голову рукой. Зато не мешал ей встать и заняться приведением себя в порядок. Быстрый душ, подсушенные феном волосы, уход и макияж: лёгкий, полупрозрачный и «натуральный». Она уже полностью собралась, но Поляков всё ещё спал.

– Павел Константинович, – позвала Дарья, и он вскочил как ошпаренный. – Я просто хотела сказать, что уже пойду. Вы за мной закройте, пожалуйста.

– Куда ты пойдешь? – с выражением полного недоумения поинтересовался тот.

– На работу.

– На какую работу?..

– На нашу с вами общую работу, – напомнила Несветаева. – Вы-то задерживаетесь, а я-то опаздываю.

– Куда опаздываешь?..

– На работу, – терпеливо пояснила Даша. – Точнее, пока не опаздываю... Но имею все шансы.

– Не-не-не, – помотал головой Поляков. – Я мигом.

Он действительно собрался почти мгновенно. Значительно быстрее, чем Дарья. Конечно, выглядел он слегка растрёпанным, особенно на голове. С одеждой у Кошечки дела обстояли лучше. Даша подошла ближе и пригладила, вооружившись расческой, эти «иглы дикобраза». На щеках шефа качнулись желваки.

– Поехали? – скомандовал он.

Даша пошла в прихожую – одеваться. Зеркало в полный рост будило неловкие воспоминания о вчерашнем. Хорошо, что случилось это не у неё дома. В него же теперь ещё смотреться, каждый раз вспоминая, как низко она пала. Но пара минут унижения, и можно навсегда вычеркнуть этот эпизод из жизни.

Немного не доезжая до высотки, Даша попросила её выпустить. Нужно же купить шефу булочку к кофе. Поляков спорить не стал, но попросил купить две булочки. Две – значит, две.

Когда Несветаева, чудом успевшая на работу вовремя, вошла в кабинет, Павел Константинович задумчиво сидел в своём начальственном кресле.

– Я принесла, – Даша поставила на стол упаковку с булочками и стаканчик кофе из «Кофемы».

– Молодец, – Поляков встал. – И себе чай сделай.

– Я?..

– Могу я, если хочешь.

– Нет-нет, я сейчас.

Даша быстро сбегала за водой в бухгалтерию. Рассказывать, что это для неё, Несветаева не стала. Мало ли, какие причуды бывают у начальника по утрам? Когда она вошла и села с кружкой воды, шеф придвинул к ней коробку с булкой. Вторую он доедал сам.

– Ешь, – велел Поляков.

– Так не положено же, – растерялась Даша.

– Как это «не положено», Дарья Владиславовна? – возразил шеф. – Видите, всё прекрасно лежит. Вы давайте завтракайте. У меня проблемы с одним объектом нарисовались, уеду сейчас. Ненадолго. А ты, пожалуйста, не лезь сегодня к народу со своим блокнотом. Они выбрались на день из отдыха и завтра опять на два дня уйдут в загул. Люди взрослые, сами знают, что им надо делать из срочного. А с понедельника дальше строить будешь. Сама, вон, лучше контрольными своими займись. Или курсовыми. Что у тебя там горит? – он встал. – Спасибо за завтрак.

И действительно, прихватив плащ, ушёл, оставив Дарью в полном недоумении.

Глава 7. Павел

Толик, начохрани, поймал шефа на подходе к кабинету. На лету, можно сказать. Позвонил, доложил, что в небольшом магазинчике-ларьке, который находился у «Паллады» под охраной, ночью был совершён взлом. Вскрыты рольставни, перебиты окна, но до грабежа дело не дошло: машина «палладинов» вспугнула злоумышленников. Правда, и задержать их не удалось. Но это и не их зона ответственности. За чей счёт причинённые убытки, будут решать юристы, но Паша пообещал приехать на место лично. Ему нужно было освежиться. Дыхнуть воздуха. Проветрить мозги. А ещё заскочить в спортзал, чтобы в спаринге с тренером поставить их на место и выбить оттуда лишние мысли. Поскольку мыслей там было слишком много, и все они были не по делу. По крайней мере, все, которые касались личного помощника.

Дарья Несветаева, похоже, стала вехой в жизни Кощея. Судя по всему, до Полякова добрался кризис среднего возраста. Или середины жизни. В теоретической психологии Паша был не силен, но интернет почитывал. И был наслышан о тех чудесных превращениях, которые случаются с мужиками в его возрасте. Первый признак прямо лез на глаза: седина в бороду, бес в ребро. Вроде и седины как таковой Павел ещё не нашёл – у отца она тоже была поздней. А на юных уже потянуло.

Второе – смена привычек. Вместо традиционного «да шла бы ты лесом со своими бабобреднями», он был готов выпрыгнуть из штанов выше головы, лишь бы не ссориться. А это вообще симптом очень неприятный. Нельзя позволять женщине садиться на шею. Но, чёрт, она и не собиралась садиться! Это Паша её уговаривал: «Ну сядь, ну что тебе стоит? Посиди, а?».

Сюрреализм какой-то!

А ещё мысли.

Если изначально это были банальные сексуальные фантазии, то есть естественный процесс в мужском организме, то теперь он начинал думать. Чего она хочет, как она хочет, хорошо ли ей? Вне сексуального контекста. Умом Кошей понимал, что, наверное, так и должно быть у нормальных людей. Тех, которые не махровые эгоисты, как он. Но у него эти новообразования вызывали дискомфорт.

Больше всего Паше сейчас хотелось, как обычно, забить на эту связь. Чтобы секс был таким же улётным, а всё остальное время о Дарье не думать. Но не получалось. По всему выходило, что вчера он соврал на вопрос про отношения. Отношения-то были. Только, кажется, немного односторонние.

С его стороны.

Как же это всё бесило!

Ничего интересного на месте происшествия Паша не обнаружил. Собственно, следственно-розыскные действия в окрестностях были завершены ещё ночью. Толстые стёкла окон были затянuty паутиной трещин. Внутри горел свет. На двери висела табличка: «Технический перерыв». Никто Полякова здесь не ждал. Даже Толик.

Никто не ждал Полякова нигде.

И если раньше это радовало, поскольку свобода была в его жизни главной ценностью, то сегодня взмутило со дна души какой-то осадочек. Отозвалось эхом в необитаемых глубинах его «Я».

Не-не, к чёрту!

Вот туда он точно не полезет!

Взбодрившись после выезда, Паша купил в «Кофеме» свой американо и помчался раздавать поручения. Дашу он озадачил её неотложными личными делами, чтобы лишить возможности слиться с планов на выходные. И пока все расслабленные, тёпленькие, Поляков им побыстрому вставит. Цели и задачи в краткосрочной перспективе.

Удивительно: то ли сотрудники увидели его в окно, то ли сами по себе держались в тонусе, но все были заняты. Даже Анатолий Васильевич, любитель почесать языком, куда-то срочно убежал с бумагами. Богдан тоже лишь коротко поприветствовал начальника и доложил, что договор по ремонту помещения уже готов и отправлен по электронке. И всё. Весь погрузился в монитор, прямо с ушами и по пояс. А это значит, что и бухгалтерия уже проверила сметы. Прямо работа-то кипит! Кто молодец, организовал? Паша молодец, честь ему и хвала, начальнику года в ЧОП «Паллада».

Только Кощей не сразу въехал, что за ремонт. Даже подумал грешным делом про паутину на стекле. А потом вспомнил про планируемый переезд в кабинет с приёмной. Кабинет с приёмной – это тоже было гениальное предвидение. Именно то, что нужно сейчас Полякову для полноты счастья.

Помимо подушки.

Паша вошел в свой кабинет, по привычке вынимая ключ, но дверь оказалась открытой. Конечно. Там работала Дарья. Но Внутренний Параноик недовольно крикнул. Даша сидела за своим – точнее, Поляковским, – ноутбуком, что-то сосредоточенно стучала и даже не сразу отреагировала на приветствие босса.

– Даша, привет, говорю! – повторил он.

– А? – Она оторвала взгляд от монитора. – Добрый день, Павел Константинович. На столе бумаги от Галины Петровны. Богдан Викторович просил напомнить о проекте договора по ремонту вашего нового кабинета. Анатолий Васильевич оставил представление к премированию.

Вот почему он так быстро сбежал!

Паша разделся, плюхнулся в кресло, включил комп и насупился. Такими темпами Дарья Владиславовна лишит его необходимости шляться по кабинетам. А куда девать освободившееся время? Нерастраченную энергию?

Поляков внимательно ознакомился с обязанностями сторон в соглашении со строительной компанией, дважды проверил, нельзя ли чего-нибудь вычеркнуть из сметы, и подписал то, что нужно было подписать. Отложил листок от начохраны увядать до лучших времён и теперь, наконец, смог заняться самым интересным – загадочным Николаем Владимировичем, предположительно – бывшим начальником Даши. Кощей намеревался навести о нём справки. Сам. Никому не доверяя эту ответственную миссию, даже Доку.

Отправной точкой в поисковых работах послужило резюме, которое Несветаева отправляла в «Палладу» на вакансию в хэдхантере. Теперь Паша смотрел на него другими глазами. Месяц назад важен был сам факт. А сейчас Кощей обращал внимание на другое. Относительно короткие сроки работы в разных организациях и крупные перерывы между записями. Конечно, мелкие ипэшники могли не заморачиваться официальным трудоустройством. Но всё равно, слишком часто менялись места работы. Приходилось задним числом согласиться с кадровичкой: если бы не личная заинтересованность, Поляков бы десять раз подумал, прежде чем брать на работу такого кандидата.

Паша набрал в интернете название последнего места работы Несветаевой и сразу попал в «яблочко» – владельцем был некий Столяров Николай Владимирович. Спасибо гражданской активности, он был лицом заметным, и Поляков даже нашёл его фотографии. Мужик за полтос, слегка потасканный на рожу и с наметившимся пузиком. Явно не конкурент, подумал Паша и закрыл фотку.

А потом открыл снова.

И заставил себя посмотреть на возможного соперника более внимательно. Первое правило военного: нельзя недооценивать противника.

Паша не стал бы с таким дружбу водить. Бизнес – другое дело. Клиентов, как родителей, не выбирают. В российском предпринимательстве божьих одуванчиков, белопальтошников и

колокольчиков «динь-динь» не водилось. Таких сжирали даже не конкуренты – чиновничий аппарат. Те, кто сумел выйти живым из горнила отечественной бюрократии, умели кусаться, лягаться и обладали криминальным типом мышления. Плюс-минус. Но у этого зубы были в три ряда, а позвоночник без костей, чтобы переобуться в любую минуту. Да, Николай Владимирович был глубоководной акулой. Поляков печёнкой чувал.

Почему глубоководной?

Потому что на первый взгляд он производил впечатление исключительно добропорядочного гражданина. На фотографии бывшему начальнику Дарьи Владиславовны вручали какую-то награду. Он был весь такой официальный, в бабочке под сизым подбородком. Причёска прилизана волосок к волоску. Расстёгнутый смокинг скрывал недостатки поплывшей фигуры. Интеллигентского вида очки в тонкой оправе прятали от менее наблюдательного зрителя мешки под глазами. Колян поощрительно улыбался тонкими губами. Он смотрел свысока прямо в объектив камеры и душу зрителя. «Ты хорошо справился с задачей найти лучшего. Это я», – говорил взгляд. Просто заслуженный чудак России с большой буквы «М». Паше прямо захотелось пробить с разворота в эту самовлюблённую физиономию.

На правой руке Коляна блестело обручальное кольцо. Было ли это гарантией того, что он не имел шашней с секретаршей? Да ничуть! Взять хотя бы пример Полякова-старшего. Тот никогда не скрывал своего семейного положения. Более того: оно служило гарантией безопасности его развлечений.

– Павел Константинович... – Даша зашуршала за своим столом, и Кощей свернул все окна горячими клавишами. – Хотела посоветоваться по поводу рекламных предложений и судьбы спама в корпоративном ящике.

– Дарья Владиславовна, – Паша откинулся на спинку кресла и сложил руки на груди, будто его отвлекли от важного дела, а не от сталкерства. – Чем я вам велел сегодня заниматься?

– Вы, Павел Константинович, велели мне сегодня народ не трогать, – напомнила она. – Но если к народу вы относите и себя...

– Что вы, Дарья Владиславовна, – прервал он речь девчонки, чувствуя, что она вот-вот соскочит с запланированных выходов. – Меня вы можете трогать, сколько угодно и когда угодно. Можете начинать прямо сейчас.

И заблокировал компьютер с клавиатуры. Чем чёрт не шутит? Вдруг примет к исполнению, а он тут наедине с «Николаем Владимировичем»?

– Отлично, – кивнула Даша с видом чемпиона мира по крестикам-ноликам, только что загнавшего соперника в «вилку». – Так я про спам. Мне кажется, некоторые сообщения могут быть вам интересны. Переслать на вашу личную почту?

Не приняла. Придётся намекнуть жирнее:

– Я так посмотрю.

Паша поднялся и направился к столу помощницы. Она, к слову, признаков паники не проявляла, мышкой не ёрзала, по клавишам не стучала. Видимо, ничем компрометирующим не занималась. Или всё, что нужно, закрыла заранее.

Он встал за плечом Даши и заметил, как напряглась её спина. Да, он тоже не любил, когда у него за спиной стояли. Но девчонка сама виновата. Он же сказал открытым текстом. Практически.

И в крестики-нолики побеждает не тот, кто первым зачёркивает свой ряд, а тот, кто может порвать листочек прежде, чем ряд будет зачёркнут.

– Мне кажется, некоторые рассылки... – стала рассказывать Дарья, а Кощей погладил кончиками пальцев её шею, забираясь под свободный воротник кофты. Она передёрнула плечами, но как стойкий оловянный солдатик продолжила: – Некоторые рассылки адресованы вам лично. Я могу перенаправлять их на вашу электронку. Просто скажите, что из них вас интересует.

Паша стал разминать девчонке плечи и, наконец, посмотрел на монитор, где был открыт почтовик. Точнее, отдельная папочка, куда девчонка старательно поместила по одному письму от разных фирм. Это был тщательный отбор, потому что писем было около десяти.

– Показывай, – велел Поляков, отмечая, что тело девушки под его руками расслабляется.

Даша открывала письма одно за другим. В первом было предложение спортивных БАДов.

– В спам!

Потом было предложение от сети спортивных магазинов.

– Это оставь. Посмотрю подробнее.

Дальше шли ещё две бесполезных рассылки, а следом – предложение от Тяжелковского загородного спортивного клуба со скидкой на майские праздники. Паша постарался ничем не выдать заинтересованность. Это будет сказочный сюрприз.

– Этих тоже мне переправляй, – распорядился Поляков.

Потом было несколько незнакомых и неинтересных рассылок и ещё одна любопытная.

– Всё, – сообщила Даша, не поворачиваясь. Её дыхание стало глубже. Кошей видел это по амплитуде вздымавшейся груди.

– Жаль, – прокомментировал он, продолжая массаж. Он бы предпочёл сместиться руками ниже. К тем самым выступающим формам рельефа. И вообще был бы не против закрыть дверь изнутри и перейти от наружного массажа к внутреннему.

– Павел Константинович, напишите, пожалуйста, адрес своего почтового ящика, – словно почувствовав его настрой, Дарья снова напряглась.

– Чуть позже.

– Хорошо, – девчонка неожиданно встала и, наконец, повернулась к нему.

Как выяснилось, Паша был не готов встретиться с ней взглядом. Дарья смотрела на него отстранённо, но так, что, казалось, заглянула в те самые необитаемые глубины, куда он сам лезть опасался.

– Я пока прогуляюсь, Павел Константинович. С вашего позволения, – поставила его перед фактом помощница.

– Куда?

– В уборную, Павел Константинович. Можно?

Понятное дело, что возражения не принимались.

– Конечно, Дарья Владиславовна. Буду вас ждать, – пообещал Кошей.

– Это необязательно, – позволила она.

Кто тут вообще начальник?

И поцокала своими сапожками. Теми самыми, в которых Кошей имел честь иметь Дарью Владиславовну у зеркала. Он проводил её взглядом и понял, что тоже не прочь прогуляться. Проветриться. Например, занести бумаги на реконструкцию своего будущего кабинета и приёмной. Не стоит с этим тянуть.

Паша отдал Богдану подписанный договор со сметой и решил, что нуждается в кофе. И никакая кофеварка не может лишить его права прогуляться в своё удовольствие. Он сбежал по лестнице до первого этажа. В кофейне было пусто, и парень-бариста сделал Полякову «как обычно». Наслаждаясь напитком и тишиной, Павел неспешно поднимался по ступенькам. В голове было пусто. Просто не хотелось ни о чём думать. Хотелось лелеять тёплое чувство, которое разливалось от солнечного сплетения, заполняя всё тело легкостью.

– ... Мне неловко вам это говорить, – Дашин голос ворвался в его безмятежность, и Кошей уже собирался уточнить, что именно ей неловко, когда до него дошло: девчонка обращается к кому-то другому.

Она находилась двумя лестничными площадками выше, между двенадцатым и тринадцатым, «Палладовским», этажом. Кошей замер, а потом бесшумно отошёл к стене, где его точно нельзя было заметить.

– Мы с вами договорились о сроках, – высказывала девчонка спокойно, без наезда, но твёрдо, как на переговорах со сложным партнёром. – У меня есть время.

Паша никогда бы не подумал, что с работами за заказ могут быть такие проблемы.

– Не могу понять, – продолжила Дарья после небольшой паузы. – Вы хотите меня прогнать? То есть вам не столько нужен результат, сколько нравится сам процесс давления?

Говорила она ровно, будто просто любопытствуя. Как спрашивают о температуре на улице. Или о здоровье матушки собеседника, которую в жизни никогда не видели.

– Вам не кажется, что если бы меня было так просто сломать, я бы не занималась тем, чем занимаюсь? – любезно поинтересовалась она, и стакан с кофе замер на полпути ко рту Полякова.

А точно ли речь идёт о курсовых и рефератах?

– Да, конечно, – согласилась Несветаева с вежливой улыбкой. Паша чувствовал эту улыбку в голосе. – Была очень рада слышать, – врала она совершенно явно, так, чтобы и собеседник это услышал. – Буду держать вас в курсе. До свидания. Берегите себя.

Последнее прозвучало почти угрозой.

Наверху стало тихо, и Кощей в панике пытался придумать, что сказать, если она пойдёт вниз. Она стояла. Он тоже. Наконец послышались шаги. Его личная помощница поднималась. Паша бесшумно спустился на двенадцатый, дождался, когда цифры на лифте начнут расти, и нажал стрелку вверх. Когда он вышел из кабинки на своём этаже, Несветаевой на площадке не было. Предосторожности были излишни. Она стояла у окна в конце коридора. Так же, как в тот день, когда Поляков сбил её дверью. В той же самой позе побитой собаки.

Увидев Кощея, она расправила плечи и улыбнулась.

Но в искренность улыбки не верилось.

Чем же таким занимается стойкая Дарья Владиславовна, которую не сломать? И не сломить? Во что такое она вляпалась, малолетняя дурочка?

Глава 8. Дарья

Шеф упорно разил в самое сердце. И ниже. Почти по прямой. Чего стоил один только завтрак! Даша, прихватив булочку, скрылась с линии обзора от входной двери к себе за стол. *Мне не важен твой подарок, дорога любовь твоя.* Настоящая ароматная синнабонка, купленная на завтрак специально для неё! Пусть Дарья не знала, для кого её покупает, но Паша знал. Он планировал. Заботился. И от этого булочка становилась ещё вкуснее и слаще.

Конечно, он козёл. Все мужчины – козлы априори.

Но Даше было приятно.

Потом, забив толстый гвоздь на распоряжение начальника, она заглянула к Галине Петровне и Богдану Викторовичу, спросив про приёмную. От себя лично. Во всяком случае, шефа Несветаева в разговоре честно не упоминала. Но если кто-то понял её не так, разве она виновата? Убедившись, что работа кипит, Даша вернулась в кабинет. Попыталась заняться контрольными, как велели. Но не получалось. И дело было даже не в том, что файлы учебников и других полезных текстов были дома. В интернете такого добра – хоть вилами кидай, не перекидаешь. Ей элементарно не работалось. Чужая, некомфортная обстановка. Чужой компьютер. Ощущение контроля. Подсознательное ожидание кары за то, что она занимается на работе неположенными вещами.

Даша была готова поверить, что Кощей говорил про контрольные на полном серьёзе. Не с целью подловить, как она подумала бы неделю назад. Просто чтобы освободить для себя время в её жизни. Очень в стиле человека-хотелки. Шеф вообще не очень понимал и ценил ту работу, которую делала Несветаева. Это было неприятно и оставляло осадок где-то в глубине души. Конечно, Дарья устроилась сюда не для того, чтобы навести порядок в персональной Империи Хаоса Павла Константиновича. Она устроилась, чтобы её разрушить. Слепому ясно, что доступ в его компьютер нужен не для дружеской шутки. Возможно, целью акции являлся не сам Поляков, а кто-то из его клиентов. Но скорее всего, он – и «Паллада» в целом – в результате так или иначе пострадает. Зачем вбухивать силы в то, что она сама же и уничтожит?

Раньше Даша могла оправдаться тем, что собиралась и дальше работать в «Палладе», если всё удастся сделать чисто. Но теперь понимала: не сможет. Она не сможет находиться рядом с Павлом после выполнения заказа. Так что это объяснение больше не помогало. С другой стороны, как нормальный перфекционист Дарья по умолчанию всё стремилась выполнить безупречно. То есть, вроде, старалась для себя.

Тогда почему ей так важна похвала шефа?

Плохой симптом. Очень плохой симптом. К врачу не ходи. Поэтому Даша приняла решение в эту сторону не думать. Если так пойдёт дальше, то Поляков скоро расслабится, она по быстрому подсмотрит пароль, и о нём вообще можно будет забыть.

На этой оптимистической ноте Дарья занялась распечаткой предложений Ивана Анатольевича, её недавнего телефонного собеседника-энтузиаста. В процессе работы над кладезем инновационно-охранной мысли Даша приняла подношения от Богдана Викторовича и Анатолия Васильевича. В виде документов.

Начальник охраны был не в духе, в том числе, из-за скорого прощания с личным кабинетом. Но поскольку собственную роль в интриге с переездом Дарья не светила, то и в качестве врага не воспринималась. Начохраны во всех бедах винил кадровичку, с которой был в давних контрактах. Несветаева понимающе кивала, говорила, что ей тоже все эти переезды не по вкусу, но Павлу Константиновичу всё же нужна собственная территория. И вскользь упомянула недавний инцидент с Зайкой. Из того, как быстро свернулась тема, следовало, что Поляков подобный допинг на работе принимал регулярно, и ближний круг был в курсе событий. Вывод: чем

позже «палладинцы» узнают о нюансах отношений владельца и его секретарши, тем лучше. Подозревать и сплетничать – это одно, получить неопровержимые доказательства – другое.

Вскоре после отбытия Анатолия Васильевича явился хозяин кабинета. Вошёл он тучным от мыслей. Они так и клубились кучненько вокруг лба. А пока хозяин не в духе, челяди лучше слиться со стенами. Даша редактировала автоматическую расшифровку с аудио и краем глаза следила за Кошеем. С головой погружённый в работу, он ничего из себя не строил. Сейчас он казался старше, чем в обычной масочке раздолбая-простачка. Он был собой. Сосредоточенным, цепким, мощным. Опасным. Что он сделает, когда узнает, зачем она устроилась в «Палладу»? Когда поймёт, что был всего лишь марионеткой в её руках?

Лучше бы, конечно, чтобы не узнал.

И к тому времени ей желательно оказаться подальше от эпицентра взрыва.

Но сейчас, зажатая в кольцо из заказчика, мамы, Спрута и Павла, именно здесь, рядом с ним, Несветаева ощущала себя в наибольшей безопасности.

Закончив с предложениями Ивана Анатольевича, Даша отправила их по почте для сверки и вспомнила об одном отложенном деле. Для реализации заказа было необходимо «размыть» личную территорию Полякова у рабочего компьютера. Стереть границу, где для него заканчивалась сексуальная близость и начиналась коммерческая тайна. Задача нетривиальная. Первым делом нужно было приучить Павла Константиновича к присутствию Несветаевой внутри «периметра». Пусть с заблокированным экраном. Но чтобы одолеть самую большую дорогу, нужно сделать первый шаг.

Дарья планировала начать с совместного разбора почтового ящика. Она продумала три сценария: оптимистический, реалистический и такой себе. В идеальном случае шеф предложил бы заглянуть в ящик со своего компьютера. По реалистическому сценарию должен был потребовать распечатки рассылок. В случае пессимистического принял решение на слух или отказался обсуждать вообще.

Но Павел Константинович выбрал сценарий фантастический: оторвал начальственную задницу от кресла и пошёл к Даше. Сам! К секретарше! Это полное игнорирование субординации вымораживало. Дезориентировало. Несветаева умело лавировала в формальных и неформальных иерархиях и использовала чужие амбиции в своих целях, прячась в задних рядах под неброской рясой серого кардинала. Но если у человека нет амбиций, как им манипулировать? Где искать пресловутую кнопку?

Поляков не только припёрся к её столу и сунул нос в её компьютер как к себе домой, он ещё и стал лапать! Причем, гад, так, что не придерёшься. Точнее, нет ничего невозможного для женщины, которая решила устроить истерику. Но Даша не хотела. Только после того как Павел Константинович начал массировать ей плечи, Дарья поняла, насколько они напряжены. И как могут быть расслаблены.

Хорошо жить «Зайкам»! Никаких тревог, забот, ответственности! Прыгай себе, морковку грызи, хвостиком крути, глазки косенькие строй. Не нужно думать, откуда взять деньги на окна для мамы и как отмазаться от приезда к ней на девятое мая. Несветаева на автомате щёлкала по письмам, не вдумываясь в их содержание. Все свои силы она тратила на то, чтобы удержаться в тонусе. Чтобы не расплыться желейной лужицей от прикосновений. Простых прикосновений, почти лишённых сексуального подтекста.

Ведь он, наверное, даже не подозревает, что нашёл, возможно, единственное слабое место Дарьи. И не старался искать. Просто он так живёт. С размахом. Ни в чём себе не отказывая.

Наверное, она была резковата. Но почему у кого-то всё есть с самого рождения: полная семья, достаток, удовольствия полной ложкой, а кто-то должен всю жизнь выживать? Разве это справедливо?

Дарья сбежала в туалет, где постояла, успокаиваясь от звука льющейся в раковину воды. А потом позвонил заказчик.

У него не было причин для звонка. Разумных – не было. Всё, чего он хотел – потыкать гусеницу палочкой. Как злой ребенок. Посмотреть, как она будет извиваться в бессильных попытках вырваться. Даша не собиралась доставлять ему такого удовольствия. Контракт вообще не включал никакого удовольствия для заказчика. Поэтому он не будет переходить границы. Всего лишь клюкать в надежде, что она сдастся. И если Даша покажет слабину, будет тыкать ещё сильнее.

Так делают все, у кого есть палочка и гусеница.

Зачем она в это всё ввязалась? Думала, самая крутая и умная?

Со стороны лифта появился Поляков со стаканчиком из «Кофемы». Он снова натянул на лоб растяжку «я в неё кушаю» и придурковато улыбался, будто прямо с района нарисовался в белых китайских подкрадулях. Что-то задумал?

– Вы, Дарья Владиславовна, чего тут сидите в одиночестве, как Алёнушка над братцем Иванушкой? – с соответствующей виду интонацией поинтересовался шеф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.